

ОБУЧЕНИЕ КИТАЙСКИХ УЧАЩИХСЯ РЕЧЕВОМУ АКТУ «ПРОСЬБА» В РКИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Лю Сяоя

кандидат филологических наук, преподаватель

Самарский университет

443086, Россия, Самара, Московское шоссе, 34

963336159@qq.com

Аннотация. Успешное овладение русским языком как иностранным (РКИ) требует не только усвоения грамматических структур, но и глубокого понимания социокультурных норм изучаемого языка. В данной статье исследуется специфика обучения китайских учащихся речевому акту «просьба» как важнейшему прагматическому компоненту коммуникации. Особое внимание уделяется межкультурным различиям в языковой логике (линейное и спиралевидное мышление) и этнокультурным нормам выражения вежливости, которые часто приводят к прагматической интерференции. Опираясь на теорию вежливости П. Брауна и С. Левинсона, концепцию межъязыковой прагматики и лингвокультурологический подход, авторы предлагают комплексные методические рекомендации.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, речевой акт «просьба», прагматическая интерференция, межкультурная коммуникация, категория вежливости

TEACHING CHINESE STUDENTS THE SPEECH ACT “REQUEST” IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE: A LINGUOCULTURAL ASPECT

Liu Xiaoxia

Candidate of Sciences in Philology, Lecturer

Samara University

34, Moskovskoe Shosse, Samara, 443086, Russia

963336159@qq.com

Abstract. Successful acquisition of Russian language as a foreign language (RFL) requires not only the mastery of grammatical structures but also a deep understanding of the sociocultural norms of the target language. This article examines the specifics of teaching Chinese students the speech act «request» as a crucial pragmatic component of communication. Particular attention is paid to cross-cultural differences in linguistic logic (linear and spiral thinking) and ethnocultural norms of politeness, which often lead to pragmatic interference. Drawing on P. Brown and S. Levinson's politeness theory, the concept of interlingual pragmatics, and a linguacultural approach, the author offers comprehensive methodological recommendations.

Keywords: Russian language as a foreign language, speech act “request”, pragmatic interference, intercultural communication, category of politeness

Введение

В современной методике преподавания русского языка как иностранного (РКИ) фокус закономерно смещается с чисто лингвистического подхода на коммуникативно-прагматический

и лингвокультурологический. Для успешной межкультурной коммуникации иностранному учащемуся недостаточно лишь знать лексику и грамматику – необходимо понимать менталитет и культурный код носителей языка [2, с. 63–75]. Это особенно актуально в китайской аудитории, так как дистанция между русским и китайским языками и культурами максимальна. В практике преподавания часто возникает проблема: студент строит грамматически абсолютно верное предложение, однако с точки зрения носителя языка оно звучит неуместно, непонятно или даже грубо. Подобные коммуникативные сбои, согласно терминологии Дж. Томас, классифицируются как «прагматическая неудача» (pragmatic failure) [7, с. 92–95].

Одной из самых сложных зон в этом отношении является речевой акт «просьба». Согласно теории П. Брауна и С. Левинсона, просьба представляет собой речевой акт, угрожающий «лицу» адресата (face-threatening act) [4], так как она посягает на свободу действий собеседника. Поскольку стратегии смягчения этой коммуникативной угрозы в России и Китае кардинально различаются, учащиеся регулярно сталкиваются с системной прагматической интерференцией. В связи с этим целью данной статьи является выявление глубинной лингвокультурной специфики речевого акта «просьба» в двух языках и определение путей преодоления типичных коммуникативных ошибок китайских студентов.

Обсуждение и результаты

1. Различия в речевой логике: спиралевидное и линейное мышление

Мышление представляет собой сложный когнитивный процесс познания объективного мира, который неразрывно связан с языком. Когнитивная модель нации формируется на протяжении всей её истории под влиянием географических, социальных и философских факторов. В контексте межкультурной коммуникации между Китаем и Россией эти различия наиболее отчетливо проявляются в дихотомии «спиралевидного» (кругового) и «линейного» мышления, впервые в контексте межкультурной коммуникации, описанной американским лингвистом Р. Капланом [6, с. 3–10].

Как отмечают исследователи, китайскому этносу присущ индуктивный, «спиралевидный» тип построения дискурса, в то время как русская когнитивная традиция опирается на дедуктивную, «линейную» модель [1]. Именно это расхождение часто становится фундаментальной причиной коммуникативных сбоев при выражении просьбы. При обсуждении проблемы носитель китайского языка, как правило, следует вектору от второстепенного к главному: от широкого контекста к конкретной задаче, постепенно «сужая круги» вокруг основной темы. Русские же коммуниканты предпочитают линейный подход, при котором суть вопроса озвучивается в самом начале.

На практике это означает, что русский коммуникант предпочитает прямо переходить к сути дела. Русская логическая модель просьбы строится по дедуктивной схеме:

[Обращение]+ [Ядро просьбы (прямая формулировка)] + [Обоснование / Причина (опционально)]. Рассмотрим примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ):

Можно мне взять бланк, чтобы написать на нём текст телеграммы? [Шапко В.М. Синдром веселья Плуготаренко // «Волга», 2016];

Проверьте, пожалуйста, как-то не сходится... На стоянке стояли две потрепанные европейки [Тарковский М. Тойота-Креста (2009)];

Здравствуйте! Помогите, пожалуйста, узнать происхождение фамилии Модых. Родители родом из деревни Зловодка Калужской области Куйбышевского района [Переписка с читателями // «Наука и жизнь», 2007].

В русской лингвокультуре такая прямолинейность не считается грубостью (особенно при использовании маркера «пожалуйста»); напротив, она демонстрирует уважение к времени собеседника и ясность намерений [3, с. 100–108].

Китайская модель коммуникации, напротив, требует тщательной «подготовки почвы» перед тем, как озвучить интенцию, чтобы сохранить его «лицо». Для китайского студента типична индуктивная схема:

[Обращение] + [Фатическое общение / Извинение за беспокойство] + [Подробное описание ситуации / Причина] + [Ядро просьбы (косвенно)]. Рассмотрим примеры из корпуса исследовательского центра китайской лингвистики Пекинского университета (CCL) (в переводе с китайского):

«Я неграмотный, не умею писать, я хочу проголосовать за изгнание одного человека по имени Аристид. Не могли бы Вы, господин, помочь мне написать его имя?»
(我是文盲, 不会写字, 我要弹劾一个人 · 叫做 Aristides, 你这位先生可不可以帮我写上名字呢?)

(Типичный перенос в РКИ): *«Преподаватель, здравствуйте! Вы сейчас очень заняты? Извините за беспокойство. Скоро конец семестра, я написал курсовую работу, но в ней, наверное, очень много ошибок, я сильно переживаю. Не могли бы Вы уделить мне немного времени и посмотреть её?»* (老师 · 您好 · 您现在很忙吗? 不好意思打扰您 · 学期快结束了 · 我写了一篇学期论文 · 但可能有很多错误 · 我很担心. 您能抽出一点时间帮我看一下吗?)

В русской аудитории такое длинное вступление вызывает у слушающего недоумение, так как носитель языка долго не может понять коммуникативную цель говорящего. При обучении преподаватель должен эксплицитно объяснять эту разницу, приучая студентов начинать высказывание с главного.

2. Культурная специфика категории вежливости

Второй, не менее важный аспект успешной межкультурной коммуникации – это этнокультурная специфика понимания и реализации категории вежливости. Вежливость является универсальной прагматической категорией, однако языковые средства и поведенческие стратегии, используемые для ее выражения, глубоко национально специфичны.

В русской лингвокультуре при выстраивании вежливого общения приоритет традиционно отдается таким базовым ценностям, как искренность, эмоциональная открытость, прямота выражения интенций и принцип коммуникативного сотрудничества. Русская вежливость, как правило, характеризуется меньшей степенью жесткой ритуализации и формализации. Она в значительной мере ориентирована на сокращение социальной дистанции, сближение собеседников, проявление межличностной теплоты (так называемой «душевности») и установление атмосферы равноправия в диалоговом взаимодействии. Для русского коммуникативного поведения типично стремление к созданию искреннего и доверительного контакта, при котором искусственное или гипертрофированное подчеркивание статусных различий может восприниматься не как уважение, а как холодность, отстраненность или нежелание идти на сближение.

На фоне этой ярко выраженной русской ориентации на эмоциональную открытость и коммуникативное равноправие, принципиально иную картину демонстрирует китайская культура общения, выступающая в данном контексте объектом сопоставления. Китайская парадигма глубоко укоренена в конфуцианских этических традициях, где базовыми императивами являются строгая социальная иерархия, скромность, неукоснительное уважение к старшим по возрасту и статусу, а также фундаментальная социокультурная концепция сохранения «лица».

Основополагающим принципом китайской вежливости выступает максима «贬己尊人» (букв. «приносить себя, возвышать другого»), подробно описанная и концептуализирована известным лингвистом Гу Юэго [5, с. 240–249]. В рамках этой системы норм говорящий, напротив, обязан демонстрировать максимальную дистанцию, подчеркнутую скромность и ритуализированное почтение к адресату.

Эти глубинные мировоззренческие и прагматические различия напрямую детерминируют выбор языковых средств. Столкновение столь разных коммуникативных моделей неизбежно ведет к ряду специфических прагматических неудач и грамматических ошибок в речевой практике китайских учащихся. На основе анализа этого диссонанса можно выделить три основные зоны межкультурной интерференции:

1. Неверный выбор регистра и формы обращения.

В китайской лингвокультуре подчеркивание профессионального статуса или должности собеседника является естественным и высшим проявлением уважения. Обращения по шаблону «Фамилия + Должность» (например, «王校长» – директор Ван, «李经理» – менеджер Ли) являются строгой нормой. Эту модель студенты часто калькируют при продуцировании русской речи.

Типичная ошибка: «Учитель, проверьте мое домашнее задание». В русском академическом этикете это звучит неуместно.

Норма в русской лингвокультуре: «Иван Иванович, пожалуйста...». В русской традиции универсальным маркером глубокого уважения и вежливой социальной дистанции является обращение по имени и отчеству. Иностранцам учащимся необходимо целенаправленно прививать навык использования формулы «Имя + Отчество», объясняя, что в России именно она заменяет титулы и должности при личном контакте, создавая баланс между уважением и межличностной коммуникацией.

2. Неадекватный перенос грамматических форм (злоупотребление императивом).

В китайском языке смягчение просьбы достигается за счет частиц (например, «吧») или редупликации глаголов («帮帮忙» букв. «помочь-помочь»). При мысленном переводе на русский язык эти смягчающие элементы «выпадают», так как русская грамматика не располагает их структурными эквивалентами [1].

Типичная ошибка: «Дайте мне словарь» (калька с китайского «给我词典吧») или «Прочитайте этот текст» («读一下这篇文章吧»). Без поддерживающих интонационных и лексических смягчающих элементов такой «голый» императив воспринимается носителем русского языка не как просьба, а как безапелляционный приказ, требование или проявление грубости.

Норма в русской лингвокультуре: «Дайте, пожалуйста, словарь», «Будьте добры, передайте словарь», «Сделайте одолжение, прочитайте...», «Если вас не затруднит, дайте...» и др. Кроме того, важнейшую роль играет интонация, которой в китайской аудитории часто не уделяют должного внимания.

3. Избегание косвенных речевых актов с отрицанием.

Одной из самых ярких отличительных черт русского речевого этикета является использование отрицания для выражения высшей степени деликатности. В русском языке высшая степень вежливости при выражении просьбы часто реализуется через косвенные вопросы с отрицательной частицей «не» и глаголом в сослагательном наклонении. Частица «не» в данном контексте утрачивает функцию логического отрицания и становится прагматическим «буфером

вежливости», заранее предоставляя собеседнику психологически комфортную возможность для отказа (сохраняя его негативное лицо).

Типичная ошибка: *«Вы можете мне помочь?»* или, что звучит еще более навязчиво, *«Я хочу, чтобы вы мне помогли»*.

Норма в русской лингвокультуре: Максимальная деликатность требует формулировок: *«Вы не могли бы помочь мне...?»*, *«Вас не затруднит проверить текст?»*, *«Не подскажете, как пройти к деканату?»*. Преодоление этого психологического и лингвистического барьера у китайских учащихся требует отдельной, целенаправленной лингводидактической работы. Необходимо довести употребление конструкции *«Не могли бы Вы + инфинитив»* до полного автоматизма, объяснив студентам, что в русском языке *«не»* в просьбе – это знак глубочайшего такта, а не предвестник отказа.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что успешное обучение китайских студентов речевому акту «просьба» выходит далеко за рамки формально-грамматического уровня. Фундаментом большинства прагматических ошибок выступает несовпадение когнитивных моделей: переход от индуктивного («спиралевидного») китайского мышления к дедуктивному («линейному») русскому требует времени и целенаправленных усилий. Кроме того, различное понимание категории вежливости приводит к неадекватному выбору обращений, злоупотреблению императивом и избеганию отрицательных конструкций, которые в русском языке служат эталоном тактичности.

При этом важно понимать, что русская прямолинейность не означает отказа от этикета: излишне прямая просьба без маркеров смягчения звучит грубо, тогда как типичный для китайской традиции чрезмерно извиняющийся тон кажется русскому собеседнику неуверенным или неуместным. На сегодняшний день в практике преподавания РКИ сохраняется проблема недостаточного внимания к прагмалингвистике в учебных пособиях, из-за чего учащимся сложно преодолеть лингвокультурные барьеры при использовании чуждых им речевых формул. Дальнейшее исследование данной темы открывает перспективы для разработки специализированных комплексов упражнений и изучения других сложных речевых актов (таких как отказ, извинение, комплимент). Интеграция лингвокультурологического подхода позволит иностранным студентам не только избегать коммуникативных провалов, но и успешно достигать своих целей в русскоязычной социокультурной среде.

Библиографический список

1. Балыхина, Т.М. От методики к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления / Т.М. Балыхина, Чжао Юйцзян. – Москва: РУДН, 2010. – 344 с. ISBN: 978-5-209-03404-9.
2. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие для студентов, аспирантов и соискателей по специальности «Лингвистика и межкультур. Коммуникация» / С.Г. Тер-Минасова. – Москва: Слово/Slovo, 2000. – 262 с.
3. Формановская, Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности рус. яз. и лит. / Н.И. Формановская. – Москва: Русский язык, 2002. – 213 с.
4. Brown, P. Politeness: Some universals in language usage / P. Brown, S.C. Levinson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.

5. Gu, Yueguo. Politeness phenomena in modern Chinese / Gu Yueguo. – Текст: непосредственный // Journal of Pragmatics. – 1990. – Vol. 14. – № 2. – P. 237-257.

6. Kaplan, R. B. Cultural Thought Patterns in Inter-Cultural Education / R. B. Kaplan – Текст: непосредственный // Language Learning. – 1966. – Vol. 16. – № 1-2. – P. 1-20.

7. Thomas, J. Cross-Cultural Pragmatic Failure / J. Thomas // Applied Linguistics. – 1983. – Vol. 4. – № 2. – P. 91-112.

Источники фактического материала

1. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruscorpora.ru>

2. Корпус Исследовательского центра китайской лингвистики Пекинского университета (Корпус CCL) [Электронный ресурс]. – URL: <http://ccl.pku.edu.cn/>